

ФЕОДОСИЙ II И ПУЛЬХЕРИЯ В ИЗОБРАЖЕНИИ СОЗОМЕНА (К проблеме датировки «Церковной истории»)

Т. Л. Александрова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
tatianaalexandrova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается изображение фигуры христианского правителя в «Церковной истории» Созомена. На основании сопоставления с аналогичным изображением у Евсевия Кесарийского и Сократа выясняется, во-первых, что этот «константиновский» образ восходит к платоновскому идеалу правителя-философа, а во-вторых, что в истории Созомена наблюдается смещение акцентов: если во вступлении в качестве воплощенного идеала предстает Феодосий II, то в девятой книге дошедшей до нас версии сакральная роль императора фактически передается его сестре Пульхерии, правление же Феодосия странным образом вычеркивается из истории. Обзор других прижизненных свидетельств о Пульхерии, а также рассмотрение церковно-политической ситуации в последние годы жизни Феодосия II показывают, что такое изображение, скорее всего, могло быть создано уже после его смерти и прихода к власти самой Пульхерии.

Ключевые слова: христианство, Созомен, Феодосий II, Пульхерия, Евдокия, Константин I, Елена, правитель-философ, платоновские добродетели

THEODOSIUS II AND PULCHERIA AS DEPICTED BY SOZOMEN (Revisiting the chronology of *Historia Ecclesiastica*)

Tatiana L. Alexandrova

St. Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia
tatianaalexandrova@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the figure of the Christian emperor in Sozomen's *Ecclesiastical History*. The author compares analogous evidence of Eusebius of Caesarea and Socrates, which leads her to some important conclusions. Firstly, this 'Constantinian' image roots in the Platonic ideal of philosopher-ruler. Secondly, there is a shift of emphasis in Sozomen's version: in the introduction the ideal ruler is Theodosius II, but in Book 9 of the extant version the sacral role of the monarch is in fact given to the Emperor's sister Pulcheria, while Theodosius' reign is crossed out of history in a strange way. Compared with some other contemporary evidence of Pulcheria's personality and considered against the background of the political situation in the last years of Theodosius' life, all these details allow the author to assume that such a version could have been created after Theodosius' death and Pulcheria's coming to power.

Keywords: christianity, Sozomen, Theodosius II, Pulcheria, Eudocia, Constantine the Great, Helena, philosopher-ruler, platonic virtues

Данные об авторе. Александрова Татьяна Львовна — кандидат филологических наук, доцент ПСТГУ.

Датировка «Церковной истории» Созомена, на первый взгляд, не представляет никаких сложностей. Известно, что его труд был создан в 40-е годы V в., на несколько лет позже, чем одноименное сочинение Сократа. Хронологической вехой можно считать упоминание «экспедиции» Феодосия II в Гераклею Понтийскую (443 г.)¹. Верхней же границей традиционно признается дата смерти Феодосия (28 июля 450 г.), поскольку во вступлении Созомен обращается непосредственно к нему. Считается, что важную роль в датировке созоменовской истории играет отсутствие у него упоминаний о супруге Феодосия, императрице Евдокии, покинувшей двор и удалившейся в Иерусалим, и, напротив, повышенное внимание к заслугам его старшей сестры, императрицы Пульхерии, что соответствует расстановке сил в конце царствования Феодосия. Тем не менее в данной статье будет предпринята попытка усомниться в этой, казалось бы, очевидной датировке и, по крайней мере, поставить вопрос об изменении ее верхней границы. Задуматься о причинах этого заставляют как изображение Созоменом Феодосия II и его сестры Пульхерии, так и обстоятельства последних лет жизни императора.

«Свою “Историю” Созомен представил на рассмотрение и одобрение императору Феодосию II, – резюмирует общепринятое мнение К. Морескини, – о чем он говорит в посвящении, полном придворных любезностей. Император, по словам писателя, одобрил его труд, изучил и исправил в соответствии со своими личными воззрениями. Императорская цензура определяет нормы, которым следует Созомен; он не добавит к своему труду ни одной лишней черты»². Считается, что Созомен идеализирует Феодосия II сильнее, чем его современник Сократ, расширяя круг его положительных характеристик³. Однако при внимательном чтении текста обнаруживается, что панегирический тон в адрес Феодосия выдержан лишь во вступлении. В девятой же книге истории, непосредственно посвященной периоду правления Феодосия, заметны некие смещения акцентов, которые и станут предметом нашего внимания.

Изображая христианского императора, Созомен следует примеру своих предшественников, Евсевия Кесарийского и Сократа. Как для Евсевия воплощением идеального правителя был Константин Великий, так для историков V века им должен был стать Феодосий II. Параллель объяснялась не только преемственностью от Евсевия, труд которого Сократ и Созомен продолжили, но и требованиями имперской пропаганды эпохи Феодосия II⁴.

Исследователи отмечали, что Феодосий, похоже, видел себя «новым Константином»⁵. Уподобление его Константину определенно прочитывается у Сократа и Созомена. И основания для такого сопоставления были. Многие инициативы, выдвинутые при Феодосии II, продолжали именно константиновские начинания, хотя методы их осуществления, на первый взгляд, весьма различны. Но если отвлечься от штампов, свойственных современным историческим изложениям, и посмотреть на эпоху глазами современников, – параллели прочертятся гораздо яснее. Действительно: как Константин вновь объединил ранее разделенную на тетрархии империю, так и для Феодосия II главным начинанием был проект если не объ-

¹ Chesnut 1986, 201.

² Moreschini, Norelli 2005, 690 (перевод мой. – Т.А.).

³ Krivushin 1998, 87.

⁴ Обращение Созомена к Феодосию говорит само за себя. Труд Сократа, предположительно, был связан с составлением Кодекса Феодосия. См. Moreschini 2005, 688; Urbainczyk 1997, 61–64.

⁵ Urbainczyk 1997, 38.

единения, то сближения двух «империй-близнецов» посредством династического брака его дочери Евдоксии с Валентинианом III. Именно для этой объединенной империи создавалась общая законодательная база и был собран свод законов – Кодекс Феодосия: в этом также виделся возврат к эпохе Константина с ее Кодексом Гермогениана. Подобно Константину, Феодосий II проявлял внимание к Святой Земле, и его жена Евдокия, совершая паломничество в Иерусалим, уподоблялась святой Елене. Неслучаен и единовременный всплеск историографии с ее явной ориентацией на имперскую идеологию Евсевия Кесарийского. Эти сопоставления можно продолжать, однако в рамках данной статьи гораздо важнее рассмотреть, как описана фигура императора у Евсевия и следовавших ему Сократа и Созомена.

В идеологии, заложенной в константиновскую эпоху Лактанцием и Евсевием Кесарийским, идеал христианского императора был близок платоновскому правителю-философу⁶, созерцающему истину. Именно такой образ рисует Евсевий в «Слове василевсу Константину по случаю тридцатилетия его царствования»⁷: «От этого всеобъемлющего разума (λόγος) он разумен (λογικός), от этой мудрости (σοφία) мудр (σοφός), от причастия этому благу (ἀγαθόν) благ (ἀγαθός), от общения с этой правдой (δικαιοσύνη) праведен (δίκαιος), по идее этой умеренности (σωφροσύνη) умерен (σώφρων), от приятия этой высочайшей силы (δύναμις) мужественен (ἀνδρεῖος) <...> Он истинный автократор, носящий имя, соответственное своим деяниям, действительный победитель, одержавший победу над страстями, воюющими против человеческого рода, он впечатлен по первоначальной идее великого Царя, и в своем уме, как в зеркале, отражает истекающие из нее лучи добродетелей» (laud. 5. 1. 4). Соответственно, христианскому правителю усваиваются платоновские добродетели: рассудительность (φρόνησις), мужество (ἀνδρεία), умеренность (σωφροσύνη, ἐγκράτεια), человеколюбие (φιλανθρωπία), справедливость (δικαιοσύνη)⁸. На протяжении IV века эта идеология развивалась и несколько трансформировалась, но список основных добродетелей остался неизменным, только в основу всего идеологического построения было положено христианское благочестие.

Далее нас будет интересовать, какими качествами наделен идеальный правитель у Евсевия – в «Жизни Константина», а также в «Церковных историях» Сократа и Созомена⁹, а главное, – кому приписывает эти качества Созомен.

Ум и **рассудительность** признаются важнейшими свойствами идеального правителя. Евсевий пишет о Константине, что он «отличался... врожденным умом (φρόνησις ἔμφυτος) и дарованной от Бога мудростью (θεόσδοτος σοφία)» – V. Const. 1. 19. 2. По словам Сократа, Феодосий II был так разумен (φρόνιμος), что разговаривавшие с ним предполагали в нем лично приобретенную опытность (διάλειρα) во многих вещах (Hist. Eccl. 7. 22. 2).

Созомен также не отрицает за Феодосием этого качества (например, говоря о способности императора к верной оценке литературных произведений, когда тот выступает в роли арбитра – ἁγωνοθέτης καὶ λόγων κριτής – Hist. Eccl. Praef. 1. 5), но и не делает на нем акцента; мало того: Созомен указывает (Hist. Eccl. 9. 1. 3), что

⁶ Chesnut 1986, 259.

⁷ Русский перевод приводится по изд.: Kalinin, Serpova 1998. Перевод сверен с греческим текстом по изд.: Heikel 1902.

⁸ Jaeger 2001, 143–144.

⁹ Winkelmann 1975; Hansen 1995; Bidez, Hansen 1995.

Феодосий всем обязан наставлениям старшей сестры Пульхерии, которая уже в 15 лет проявляла ум (νοῦς) «мудрейший и божественный» (σοφώτατος καὶ θεῖος).

Идеальный государь не только наделен умом, но и хорошо образован. Евсевий пишет об ученых ночных бдениях Константина, который «в часы досуга сочинял и писал схолии»; при этом историк называет его (V. Const. 4, 29) «любомудрствующим государем» (βασιλεὺς φιλοσοφῶν). Сократ также называет императора φιλόσοφος, — хотя скорее в христианском аскетическом смысле. Он сообщает, что Феодосий «знал на память Священное Писание и рассуждал о нем не хуже опытного священника», а кроме того, собрал большую библиотеку (Hist. Eccl. 7. 22. 5). Историк указывает и на красноречие жены Феодосия, императрицы Евдокии (Hist. Eccl. 7. 21. 8).

Созомен во вступлении также восхваляет ученость Феодосия, говорит о его интересе к истории и даже к естественным наукам и в отношении мудрости сравнивает его с Соломоном. Многочисленные упоминания авторов, в том числе языческих, явно апеллируют к широкой эрудиции императора (Hist. Eccl. Praef. 1. 5–6). Созомен, так же как и Евсевий, подчеркивает, что правитель проводит ночи без сна в занятиях (Hist. Eccl. Praef. 1. 8). Однако в девятой книге Созомен говорит, что своим образованием Феодосий обязан опять-таки Пульхерии: это она «старалась дать ему воспитание, как можно более приличествующее царю, и питала его душу свойственными его возрасту науками» (Hist. Eccl. 9. 1. 6–7). Тут же указывается на скромность царевны, в силу которой она «славу всего, что делалось, относил к брату» (Hist. Eccl. 9. 1. 6).

Идеальному государю свойственно телесное совершенство и **мужество**. Рассказывая о детстве Константина, Евсевий подчеркивает его телесную силу (ἰσχύς) и говорит, что сверстники боялись его (V. Const. 1. 19. 2). Доблесть (ἀριστεία) императора он не ставит под сомнение, хотя и оговаривает, что умолчит о ее проявлениях, а также о победах и триумфах (V. Const. 1. 11. 1). Сам Константин у него (V. Const. 1. 40. 2) несколько парадоксально провозглашает «спасительное знамение» креста «истинным свидетельством мужества» (ἐλεγχος τῆς ἀνδρείας). Но и применительно к Феодосию II историки находят что сказать. В частности, Сократ подчеркивает его выносливость (καρτερία), способность переносить холод и жар (Hist. Eccl. 7. 22. 3), что легко ассоциируется с идеальным образом воина (как и философа). О мужестве Феодосия в определенной степени свидетельствует и его обхождение с народом, отсутствие страха перед толпой, с которой он смешивается, призывая людей на молитву (Hist. Eccl. 7. 22. 12).

У Созомена вначале эти качества акцентируются еще сильнее: он прямо утверждает (Hist. Eccl. Praef. 1. 15), что Феодосий «всех превзошел мужеством» (ἀνδρεία), что он «занимается с оружием и упражняет тело» (Hist. Eccl. Praef. 1. 8). Последующее сравнение с Александром Македонским, хотя и свидетельствующее скорее о воздержании, также укрепляет представление о воинской доблести самого Феодосия (Hist. Eccl. Praef. 1. 13–14). Но при этом Созомен не забывает подчеркнуть, что этим навыкам императора обучили наставники, назначенные ему Пульхерией (Hist. Eccl. 9. 1. 6).

Непременное свойство идеального христианского правителя — **воздержание**. На аскетическом воздержании самого Константина Евсевий акцента не делает, но говорит (V. Const. 2, 12) о его «непорочном и чистом образе жизни» (ἀγνὴ καὶ καθαρὰ δίαίτα) и указывает на противоположные качества (блуд, пристрастие к роскоши) его врагов (ср. V. Const. 8. 14. 1). Сократ сообщает, что Феодосий воздерживался от удовольствий (Hist. Eccl. 7. 22. 8).

Созомен во введении называет Феодосия «автократором страстей души и тела» и говорит, что он «привык господствовать над жаждой, зном и холодом» (Hist.

Eccl. Praef. 1. 11–12), однако образцом добродетельной жизни в нашем тексте его повествования оказывается прежде всего Пульхерия с сестрами (Hist. Eccl. 9. 3).

Евсевий повествует о **человеколюбии** (φιλανθρωπία) и долготерпении (ἀνεξικακία) Константина и о том, что он учил этой добродетели свое окружение (V. Const. 1. 45). С незлобием связана милость к врагам. Константин у Евсевия убеждает своих подданных быть милосердными к побежденным (V. Const. 2. 13). Те же качества у Феодосия подчеркивает Сократ. Сократ говорит, что он из человеколюбия отменял смертные казни, что он ни разу не лишил жизни человека, несправедливо обошедшегося с ним (Hist. Eccl. 7. 22. 9–11), и даже запретил жестокие зрелища на ипподроме (Hist. Eccl. 22. 12).

У Созомена во введении император «всех превзошел» человеколюбием (Hist. Eccl. Praef. 1. 15), в котором он подражает Богу (Hist. Eccl. Praef. 1. 9). Феодосия II никто не видел разгневанным; утверждается даже, что его правление не запятнано кровью (Hist. Eccl. Praef. 1. 16). Но в дошедшем тексте девятой книги мирный характер его правления объясняется исключительно достоинствами Пульхерии с сестрами, благодаря чему «...все козни и войны против него прекращались сами собою» (Hist. Eccl. 9. 3. 3–4), т.е. без участия Феодосия.

Слово «**справедливость**» (δικαιοσύνη) у Евсевия встречается несколько раз (V. Const. 3. 60. 7; 3. 61. 3; 4. 3. 1, также используется прилагательное δίκαιος). Он не акцентирует это качество у Константина особо, но, по-видимому, воспринимает как само собой разумеющееся. Сократ об этом ничего не говорит.

По словам Созомена, Феодосий «всех превзошел справедливостью», но – только в обращенном к нему вступлении (Hist. Eccl. Praef. 1. 15); в девятой книге прилагательное δίκαιος не используется, но правильные решения (Hist. Eccl. 9. 1. 5. 3: εὐβουλευομένη) принимает не кто иной, как Пульхерия, которая вообще оказывается идеальным правителем¹⁰.

И наконец, главная добродетель – **христианское благочестие**, правильное богопочитание. О благочестивых обычаях, заведенных Константином, говорит и Евсевий (V. Const. 4. 17). Сократ делает особый упор на это качество Феодосия, причем у Сократа в роли наставника благочестия выступает сам Феодосий (Hist. Eccl. 7. 22. 3–4).

Созомен также говорит о благочестии Феодосия, но при этом вновь подчеркивается ведущую роль Пульхерии: именно она приучила брата молиться (Hist. Eccl. 9. 1. 8. 10–11)¹¹.

¹⁰ Приведем указанное место полностью: «Приняв на себя заботы правления, Пульхерия римским миром управляла прекрасно и весьма благоприлично, делала хорошие распоряжения, скоро решала и излагала, что должно» (Hist. Eccl. 9. 1. 5. 1–3: ὑπεισελθοῦσα δὲ τὴν φροντίδα τῆς ἡγεμονίας ἄριστα καὶ ἐν κόσμῳ πολλῶ τὴν Ῥωμαίων οἰκουμένην διώκησεν, εὐβουλευομένη καὶ ἐν τάχει τὰ πρακτέα ἐπιτελοῦσα καὶ γράφουσα).

¹¹ У Сократа читаем о Феодосии: «В царском дворце он учредил порядок, подобный монастырскому: вставал рано утром и вместе со своими сестрами пел во славу Божию антифоны» (Hist. Eccl. 7. 22. 12–14: Οὐκ ἀλλοιότερα δὲ ἀσκητηρίου κατέστησε τὰ βασιλεία· αὐτὸς τοιγαροῦν ταῖς ἑαυτοῦ ἀδελφαῖς ὀρθρίζων, ἀντιφώνους ὕμνους εἰς τὸ θεῖον ἔλεγε); Созомен явно имеет в виду это рассуждение Сократа о порядках в царском дворце, которые у него, однако, никак не связаны с Феодосием: «...Бог нередко предоткрывал царице будущее... и сестры ее вели одинаковый с нею образ жизни... вместе ночью и днем хвалили Бога... Праздность и роскошь они... изгнали из своей жизни, – несмотря на то что были царевны, родились и воспитаны в царском дворце. За это Бог явно показывал к ним свою милость и хранил их дом» (Hist. Eccl. 9. 3. 1–3).

Согласно Евсевию, Константин по своим молитвам удостоивается откровения от Бога (V. Const. 2. 12). О чуде прекращения бури по молитвам Феодосия рассказывает Сократ (Hist. Eccl. 7. 22. 16–18).

У Созомена откровений от Бога сподобляется не Феодосий, а Пульхерия (Hist. Eccl. 9. 2. 7–8; 9. 3. 1).

И Константину, и Феодосию свойственно почитание священнослужителей и благотворение храмам. Евсевий повествует о смирении Константина перед «мужами, посвященными и Богу» и о том, как он украшал церкви (V. Const. 1. 42); Сократ рассказывает историю о том, как Феодосий облачался в ветхую одежду усопшего палестинского епископа (Hist. Eccl. 7. 22. 13–14).

Созомен и в этом случае акцентирует ведущую роль Пульхерии, которая научила брата украшать церкви, «почитать иереев» и христиан вообще (Hist. Eccl. 9. 17. 10–11).

Победы, одержанные христианским императором, являются следствием не столько его мужества, сколько благочестия (εὐσεβεία). На это указывают Евсевий (V. Const. 1. 5) и Сократ (Hist. Eccl. 7. 22. 19–21). Последний также особо подчеркивает, что Бог даровал Феодосию победы за его кротость (πραότης), – Hist. Eccl. 7. 42. 3¹².

У Созомена же победы опять-таки оказываются следствием благочестивого образа жизни сестер Феодосия и прежде всего – Пульхерии (Hist. Eccl. 9. 3. 3).

Поскольку благоденствие государства зиждется на процветании Церкви, а главной опасностью для нее признаются ереси, все три историка говорят об отношении к ним своих идеальных государей. Евсевий вменяет в заслугу Константину победу над ересями и мир в Церкви (V. Const. 3. 6). Сократ больше хвалит Феодосия за терпимость и милость к виновным. Теми же достоинствами наделяется патриарх Константинопольский Прокл (Hist. Eccl. 7. 41. 6).

У Созомена о Феодосии в связи с этим не говорится ничего, а «главной причиной» того, что новые ереси не одержали верх, оказывается Пульхерия (Hist. Eccl. 9. 1. 9).

Преемство между Константином у Евсевия (V. Const. 3, 26) и Феодосием наиболее определенно прослеживается в покровительстве обоим императорам Святой Земле. При этом подчиненную роль при них выполняют императрицы: мать Константина Елена (V. Const. 3. 42–44) и жена Феодосия Евдокия. Сократ пишет о паломничестве Евдокии (Hist. Eccl. 7. 47), представляя его как инициативу Феодосия.

У Созомена Евдокия не упоминается вообще, а ее изложение до времени ее путешествия в Иерусалим не доходит.

Итак, нетрудно заметить, что у Созомена, хотя в своем изложении он и претендует на отражение точки зрения самого императора, в девятой книге все перечисленные добродетели так или иначе ставятся в заслугу его сестре Пульхерии¹³. Мало того: всем ходом повествования именно Пульхерии передается сама сакральная роль христианского правителя, наставляемого Богом, поскольку именно она получает откровения свыше и наделена божественной мудростью, в то время

¹² На «богословие победы» V в. существенное влияние оказал опыт Феодосия Великого и исход битвы при Фригиде (см. Holm 1982, 50–51).

¹³ Некоторые подробности воспитательных мероприятий сестры звучат прямо-таки уничижительно для брата, выставляя его в комическом свете (ср. Hist. Eccl. 9. 1. 7: «показывала, какое надевать платье, как сидеть и ходить и как сдерживать смех»).

как мудрость Феодосия — лишь человеческая: он всему обучен людьми, причем именно благодаря руководству сестры.

Привлекает внимание и следующее обстоятельство. В конце своего вступления (Hist. Eccl. Praef. 1. 19) Созомен утверждает, что довел повествование до 17-го консульства Феодосия II, т.е. до 439 года (как и Сократ). Г. Чеснат вполне убедительно объясняет завершение обеих историй именно этим годом, когда «Кодекс Феодосия» вступил в силу во всей империи¹⁴. Между тем дошедший до нас текст Созомена заканчивается 415 годом (упоминанием об обретении мощей мученика Стефана)¹⁵. Чуть раньше, 4 июля 414 г., Пульхерия получила титул августы¹⁶. В девятой книге Созомен восхваляет добродетели Пульхерии, посвящая им две главы (9. 1 и 9. 3): сам Феодосий II этого не удостоился. В начале 6-й главы (9. 6. 1) подчеркивается, что восточная империя прекрасно управлялась и пока государь был слишком юн, т.е. опять-таки Феодосий оказывается как будто и не нужен.

Все эти наблюдения заставляют задаться вопросом: вероятно ли, что император лично одобрил изображение себя в качестве правителя подчиненного и во всем руководимого девственной сестрой, а кроме того произвел такую цензурную правку в тексте посвященного ему раздела, что весь период его самостоятельного правления выпал из истории?¹⁷

И это вопрос не праздный, поскольку именно по вине редактора этого раздела установился пренебрежительный взгляд на Феодосия II у последующих ромейских историков, представлявших его как правителя несамостоятельного¹⁸ и личность почти анекдотическую. Не этот ли отредактированный под чью-то цензуру текст Созомена стал источником излюбленных рассказов византийских хроник о том, что рассеянный царь никогда не читал что подписывает и чуть было не продал в рабство собственную жену? И, похоже, именно здесь кроются причины парадоксальной «ничтожности» этого императора на фоне его эпохи, прославленной целым рядом великих свершений.

Нельзя также не отметить, что вообще девятая книга — начало некоего нового проекта, который остался незавершенным. Созомен сам чувствует это и считает необходимым оправдаться за столь решительную смену курса: в подтверждение своих слов он именно здесь предлагает проверить его по дворцовым документам (Hist. Eccl. 9. 1. 6), понимает, что его могут заподозрить в пристрастности панегириста, считает нужным объяснить, почему вообще Пульхерия появилась в «Церковной истории», и приводит рассказ об обретении мощей сорока Севастийских

¹⁴ Chesnut 1986, 204.

¹⁵ Из позднейших событий Созомен упоминает смерть Гонория, восшествие на престол Валентиниана III в 425 г. (Hist. Eccl. 9. 13. 3) и перенесение мощей мучеников севастиийских при патриархе Прокле, т.е. между 439 и 446 годами (Hist. Eccl. 9. 2. 18).

¹⁶ PLRE II, 929.

¹⁷ Часть девятой книги, по-видимому, исчезла вскоре после написания. Свидетельство Григория Великого о том, что в ней содержались сведения о Феодоре Мопсуестийском, сомнительно. См. Krivushin 1998, 87.

¹⁸ Роров 2009, 164–173. Пренебрежительный взгляд на Феодосия свойствен и другому современнику, Приску, однако нельзя не согласиться с М. Стюартом, который пишет: «Представляется, что этот *карьерно-ориентированный дипломат* (курсив мой. — Т.А.) прибег к обычному приему контраста, противопоставляя порочную слабость Феодосия II, а также его военачальников и советников-евнухов — более типичному идеалу воинской доблести и мужества, принятому в военном окружении императора Маркиана» (Stewart 2013, 107; перевод мой. — Т.А.).

мучеников (*Hist. Eccl.* 9. 2. 1) с оговоркой: «хотя это относится и к позднему времени» (что, впрочем, и без того очевидно).

Исследователи, усвоившие созоменовский взгляд, воспринимают такое изображение как должное и указывают на исключительное влияние Пульхерии при дворе Феодосия. Так, на особой ее роли настаивает Кеннет Холэм в своем фундаментальном исследовании «*Theodosian Empresses*», уже приобретшем статус классического. Начиная свое повествование со времени Феодосия Великого и отмечая, что тот повысил статус императриц, Холэм далее показывает путь восхождения на вершину власти и святости, пройти который полностью удастся только Пульхерии. Почти за каждым значительным решением эпохи исследователь видит мановение ее незримой руки.

К. Холэм на первый взгляд весьма убедительно подкрепляет свои предположения ссылками на многочисленные источники, в частности, привлекает нумизматический и эпиграфический материал. Однако перепроверка ссылок нередко выявляет тенденциозность автора, увлеченного своим идейным построением. Так, присутствующая у Феофана Исповедника датировка отстранения от дел воспитателя Феодосия, Антиоха, 412/13 годом, которую безоговорочно принимает Холэм¹⁹ в подтверждение слов Созомена о роли Пульхерии в воспитании брата, не единственна, о чем он умалчивает. Другая версия дается в хронике Иоанна Зонары — 421 год, и она также имеет основания²⁰. И подобные примеры можно продолжать²¹.

Новейшие исследования показывают, что любые императорские указы проводились через сенат и консисторий, а влияние обеих август было лишь косвенным и опосредованным²². В каждом конкретном случае невозможно с уверенностью утверждать, кто стоял за принятием решения: Пульхерия, Евдокия, сам Феодосий II или кто-то еще.

«Созомен, вероятно, знал правду», — пишет Холэм²³. Да, в чем-то сведения Созомена подтверждаются. Но нельзя забывать, что Созомен прибыл в Константинополь лишь около 425 г.²⁴, и, таким образом, он не был очевидцем тех событий эпохи Феодосия, которые описаны им в дошедшей до нас истории. Рассказы о мудром правлении пятнадцатилетней Пульхерии и о том, что именно она выбирала брату учителей, несмотря на отсылки автора к дворцовым книгам, вызывают естественное недоверие²⁵: разница в возрасте между детьми составляла всего два года,

¹⁹ Holum 1982, 91.

²⁰ *PLRE* II, 102.

²¹ Вот еще весьма выразительный пример очевидной предвзятости: рассказывая о перенесении мощей Иоанна Златоуста 31 января 438 г. (Holum 1982, 185), Холэм описывает участие в них Феодосия и Пульхерии, указывая на отсутствие Евдокии, которую «не упоминают источники». При этом он ссылается на Сократа (*Hist. Eccl.* 7. 45), Феодорита Кирского (*Hist. Eccl.* 5. 36. 1–2), патриарха Прокла (*Orat.* 20) и Феофана Исповедника (a.m. 5930). Однако ни в одном из первых трех (прижизненных) источников ничего не говорится и об участии в церемонии самой Пульхерии. Только Феодорит Кирский вскользь упоминает сестер Феодосия, но лишь в том контексте, что Бог сохранил их после смерти родителей и теперь они славят Его. Следовательно, Холэм опирается лишь на Феофана Исповедника, а современники событий в равной мере дают возможность предполагать участие в церемонии как двух других сестер Феодосия, так и Евдокии.

²² Kelly 2013, 67–90.

²³ Holum 1982, 178.

²⁴ Chesnut 1986, 201; Treadgold 2010, 147.

²⁵ С тем же успехом на основании «Кодекса Феодосия» можно было бы утверждать, что император издавал мудрые указы уже в восьмилетнем возрасте.

так что современному историку следует скорее задуматься о том, какая дворцовая партия возвысила столь юную правительницу и зачем.

Объективное представление о круге исторических источников, в которых упоминается Пульхерия, можно составить по статье PLRE II²⁶: мы видим, что основным и наиболее подробным источником сведений оказывается тот же Созомен, а в остальных сочинениях феодосиевской эпохи о Пульхерии говорится на удивление мало. О ранних годах царевны и об участии ее в управлении вскользь упоминают Филосторгий (Hist. Eccl. 11. 6; 12. 7) и Евнапий (fr. 87). Один раз упоминается она в «Кодексе Феодосия» (CTh. 13. 1. 21), причем в этом указе Феодосий отказывает ее слугам в привилегиях. Из более поздних источников можно назвать проповеди Прокла Константинопольского (Orat. 12; 20), где девственная августа угадывается, но не называется по имени.

У Созомена Пульхерия предстает как защитница истинной веры, победительница ересей. Между тем на I Эфесском соборе 431 г. роль ее была главным образом закулисной, в соборных деяниях она не упоминается совсем, в относящихся к собору письмах — редко и в весьма специфическом контексте. К. Холэм предполагает, что именно ее усилиями организация собора «превратилась в фарс»²⁷. Здесь уместно вспомнить известное послание Феодосия Кириллу Александрийскому²⁸, где император выражает негодование по поводу сепаратных писем, которые епископ адресовал членам его семьи перед Эфесским собором, причем конкретно указывается «линия разделения»: одно письмо было послано Феодосию и Евдокии, другое — Пульхерии. Таким образом, Феодосия возмущает не обращение к женщинам императорской семьи как таковое (апелляция «к августам» была принятой практикой²⁹), а именно тенденция видеть в Пульхерии самостоятельную политическую фигуру, с помощью которой можно играть против него самого. Пульхерия упомянута в письме Кирилла, где расписываются подношения, предназначенные, в частности, ее кувикулариям, которым предлагается и дальше убеждать августу «положить душу свою за Христа», — т.е. отстаивать перед братом точку зрения Кирилла³⁰. Холэм рассказывает также о бунте в Константинополе и приводит весьма агрессивные *voces populi* (взятые из «коптских актов») с прославлением Пульхерии и угрозой жечь еретиков³¹, предполагая, что она же сама и «использовала свои ресурсы» для их провозглашения. Как бы то ни было, такие «заслуги» нельзя было представить Феодосию на одобрение.

Кирилл Александрийский, характеризуя в ответном послании императору двух императриц и первой упоминая Евдокию, об участии Пульхерии в делах государства говорит весьма обтекаемо: τῆς εὐκλεεστάτης ὑμῶν βασιλείας οἰκείουμένη φροντίδας — «усвоившая себе заботы о твоём славном царстве»³² (отметим, что в переводе Холэма эта вежливая и обтекаемая формула звучит чересчур конкретно: “who takes part in the care and administration of your empire”³³). Характерна также надпись на одном из посланий, сохранившаяся в деяниях I Эфесского собора: «ав-

²⁶ PLRE II, 929–930.

²⁷ Holum 1982, 165.

²⁸ ACO 1. 1. 1, 73.

²⁹ ACO 1. 1. 5, 131–132.

³⁰ ACO 1. 4, 222–223.

³¹ Holum 1982, 170.

³² ACO 1. 1. 1, 44. Эта формула может применяться к регентству, но именно как вежливая.

³³ Holum 1982, 178.

густе Евдокии и ее сестре Пульхерии»³⁴, – т.е. Евдокия иерархически поставлена выше.

Сократ (Hist. Eccl. 7. 22. 3–4) и Феодорит Кирский (Hist. Eccl. 5. 36–37) и вовсе не называют Пульхерию по имени, ограничиваясь общим упоминанием сестер³⁵. Точно так же, все вместе, упоминаются сестры и на постаменте конной статуи Феодосия, воздвигнутой в честь победы над персами ([victor pro] votis sororum)³⁶. Вероятно, «относить к славе» императора все государственные деяния было не свидетельством личной скромности Пульхерии, как пишет Созомен, а принятым этикетом эпохи.

Точно так же и Евдокия у Сократа играет лишь подчиненную роль, даже ее паломничество предстает как инициатива Феодосия. Тереза Урбанчик, автор монографического исследования о Сократе, отмечала, что тон Сократа в отношении Евдокии «не энкомиастичен»³⁷, и даже предполагала завуалированную критику императрицы со стороны историка³⁸; однако нельзя не заметить, что еще менее энкомиастичен тон историка в отношении Пульхерии. Таким образом, несмотря на высокий статус и почести, обе августы упоминаются в источниках лишь эпизодически, царевны Аркадия и Марина – вообще в единичных случаях.

Создается впечатление, что Феодосий II ревниво относился к своему титулу «нового Константина» и никому не собирался его уступать. Примечательно, что даже причины немилости, постигшей префекта Константинополя Кира, тоже связаны с «константиновской идеологией». Жители столицы, восхищенные градостроительной деятельностью префекта, стали кричать на ипподроме: «Константин основал город, а Кир его построил!»³⁹ Таким образом, Кир как будто присвоил исключительное право императора на титул «второго Константина», за что и поплатился.

Сокращение девятой книги обычно объясняют нестроениями в семье Феодосия и его разрывом с Евдокией⁴⁰. Бытует мнение, что сам император приказал удалить часть текста, начиная с первого упоминания о ней⁴¹. Время удаления Евдокии в Палестину – отдельный вопрос, также остающийся за рамками данной статьи⁴². Однако опыт Евсевия Кесарийского показывает, что это обстоятельство не могло стать препятствием для историка и панегириста: Евсевий благополучно обходит молчанием куда более трагичные события в семье Константина, ни словом не упоминая о казни его сына Криспа и его жены Фавсты. Поэтому уход со сцены Евдокии сам по себе не мог радикально изменить трактовку правления Феодосия II у Созомена, особенно если мы примем во внимание, что историк, написавший вступление не ранее 443 года (вифинской «экспедиции» Феодосия), уже знал, какие «подводные камни» надо обойти и о чем умолчать. В любом случае, если

³⁴ ACO 1. 1. 7, 3.

³⁵ Почтительные упоминания августы наряду с августом в письмах Феодорита Кирского высшим должностным лицам (*Epist.* 139–141) относятся уже к правлению Маркиана.

³⁶ Holum 1982, 110.

³⁷ Холэм, напротив, считает Сократа «поклонником» Евдокии (Holum 1982, 184).

³⁸ Urbainczyk 1997, 22.

³⁹ Cameron 1982, 221–222.

⁴⁰ Moreschini, Norelli 2005, 691.

⁴¹ Treadgold 2010, 149.

⁴² Стоит лишь указать две принятые сейчас датировки: традиционная датировка – 443 год (Holum 1982, 177) и та, которую предлагает Алан Кэмерон, – 440 год (Cameron 1892, 261). Первая представляется более правдоподобной, однако не исключено, что дата может быть сдвинута даже ближе к концу десятилетия.

считать, что Евдокия впала в немилость в 443–444 гг., то времени для переработки истории у Созомена было более чем достаточно.

Но тогда почему созоменовское повествование закончилось 415-м годом и почему он, обращаясь к Феодосию II, ставит Пульхерию выше его самого? Даже если мы допустим, что фактическим правителем государства была Пульхерия, остается вопрос: почему эта замалчиваемая прежде правда вдруг хлынула на страницы современного Феодосию исторического сочинения? Действительно ли сестра императора была столь влиятельна в последние годы его жизни? Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

Во второй половине 40-х годов, как обычно пишут, определяющее влияние на императора имел евнух Хрисафий⁴³. Считается, что если не разрыв, то заметное охлаждение отношений Пульхерии с братом произошло после неудавшейся попытки Евдокии и Хрисафия посвятить Пульхерию в диакониссы и загадочной истории с мнимой продажей Евдокии в рабство, вызвавшей гнев Феодосия. Пульхерия тогда удалась в пригородный дворец Евдомон, и каков был ее статус в последние годы правления Феодосия, точно не известно. Если верить Никифору Каллисту (*Hist. Eccl.* 14. 50⁴⁴), это добровольное изгнание продолжалось семь лет, но, может быть, он и ошибается, так как явно путает даты, исчисляя возраст Евдокии. Судя по сохранившемуся письму к Пульхерии Феодорита Кирского (*Epist.* 43) с просьбой защитить его провинцию от наветов клеветника и притеснений (446/447 г.), а также по свидетельству Нестория о том, что патриарх Константинопольский Флавиан был избран патриархом по ее «выбору и усердию»⁴⁵, в тот период влияние августы сохранялось; но при этом едва ли оно было настолько велико, чтобы Пульхерию можно было ставить выше императора. Между тем, поскольку Созомен не сообщает о ереси Евтиха⁴⁶, исследователи считают, что он закончил свой труд до 448 года⁴⁷. Однако историк не упоминает специально и несторианскую ересь, говоря лишь, что Пульхерия «предотвращала всякий случай, грозивший вере введением новых и ложных догматов» (*Hist. Eccl.* 9. 1. 9). Гиперболические восхваления старшей сестры императора предполагают полное примирение между ними и единство в вопросах вероучения. Но когда же наступил этот период?

К подготовке II Эфесского («Разбойничьего») собора Пульхерия отношения не имела, но и никак не противодействовала ему⁴⁸, а после того как папа Римский Лев Великий оспорил решения собора (так как его томос к Флавиану был там проигнорирован) и стал настаивать на созыве нового собора, и после смерти низложенного Флавиана у нее возникли еще более серьезные разногласия с братом.

Нумизматический материал также не дает никаких оснований для утверждения об усилении позиций Пульхерии в конце 40-х годов. Последние датированные ее монеты (как и монеты Евдокии) относятся к торжественному выпуску 443 г. От-

⁴³ По имеющимся данным заметное возвышение Хрисафия относится ко второй половине 40-х годов (*PLRE* II, 295–297).

⁴⁴ *PG* 146, 1241.

⁴⁵ Driver, Hodgson 1925, 2. 2. 342.

⁴⁶ Далее мы увидим, что при обращении к Феодосию даже папа Лев Великий о новой ереси говорит в высшей степени осторожно.

⁴⁷ Moreschini 2005, 692.

⁴⁸ Несторий также сообщает, что Пульхерия не защитила Флавиана, не желая вмешиваться в эти дела (Driver, Hodgson 1925, 2. 2. 342).

дельные недатированные монеты Пульхерии относят ко второй половине 440-х годов лишь предположительно⁴⁹.

Мы должны признать, что возвращение Пульхерии ко двору не менее загадочно, чем удаление Евдокии. Позднейшее резюме последнего года жизни императора, после II Эфесского собора, дает Феофан Исповедник. В его версии события развивались следующим образом: «Феодосий, одумавшись, понял, что был обманут коварством Хрисафия и огорчился из-за нечестия с Флавианом и несправедливости в отношении остальных епископов. И, придя в сильное негодование, сперва сослал Хрисафия на какой-то остров, а на Евдокию обрушился с обвинениями, называя ее причиной всех бедствий, потому что и Пульхерию она изгнала из дворца, и припомнил ей историю с Павлином⁵⁰. Она же, отвергнув обвинения, попросила отпустить ее в Иерусалим <...> Тогда царь упросил блаженную Пульхерию вернуться во дворец. А она сразу из Эфеса велела привезти останки святого Флавиана. И торжественно пронеся их по Средней улице, положила в церкви святых Апостолов»⁵¹.

Стоит отметить, что в этом рассказе удаление Евдокии в Палестину относится к 450 году, хотя нельзя забывать, что Феофан Исповедник часто дает неверные датировки. Что же касается победоносного возвращения Пульхерии, то оно вполне согласуется с версией Созомена, но не вполне – с документами Халкидонского собора. К. Холэм допускает, что Хрисафий был при власти, по крайней мере, в марте 450 г.⁵², и считает, что возвращение Пульхерии ко двору произошло в промежутке между мартом и июлем. Если так, то получается, что именно в это время Феодосий должен был признать руководящую роль сестры в своей жизни, а Созомен – сочинить панегирик Пульхерии.

Однако, судя по дошедшей переписке, Феодосий до самой смерти оставался при своих прежних убеждениях. Папа Лев предлагал созвать новый собор, неоднократно и настойчиво призывая Пульхерию вмешаться, но она смогла повлиять на ситуацию только после гибели Феодосия. Таким образом, о восстановлении «гармонии»⁵³ в отношениях брата и сестры говорить не приходится.

16 июля 450 г. Лев пишет Феодосию послание⁵⁴, из которого, несмотря на всю его дипломатическую обтекаемость⁵⁵, ясно, что император не изменил своей позиции (К. Холэм почему-то не рассматривает это послание подробно). Слова о «надежде на покровительство», поданной заверениями императора в верности Никейскому собору (*Nicaenum concilium commendando adeo ut ab illo... non patiamini sacerdotes Domino deviare*) применительно к новой ереси не значат ничего, потому

⁴⁹ Grierson, Mays 1992, 152–154.

⁵⁰ Стоит заметить, что связь с магистром официий Павлином приписывалась не только Евдокии, но и Пульхерии (*PLRE* II, 846–847), и никакими точными данными мы не располагаем.

⁵¹ См. у Феофана Исповедника, *Chronogr. a.m.* 5942 (перевод мой. – Т.А.) по изд. de Boor 1885, 1, 103–104. Перенесение мощей Флавиана состоялось лишь в ноябре 450 г., о чем пишет папе Льву сама Пульхерия (*ACO* 2.1.1.9).

⁵² Holum 1982, 205. Согласно Феодору Чтецу (*Epist.* 350), Хрисафий и диктовал от имени императора ответы папе Льву с отказом созвать новый собор.

⁵³ Holum 1982, 176.

⁵⁴ *ACO* 2. 4. 30–31.

⁵⁵ На первый взгляд может сложиться впечатление, что согласие было достигнуто, однако оно ложно: точно такое же впечатление создается при чтении позднейшего послания Льва, адресованного Евдокии, поддерживавшей антихалкидонитов (*ACO* 2. 4. 78–79).

что к Никейскому собору апеллировал и обвиняемый в ереси Евтих⁵⁶. Отсутствие упоминаний о покойном Флавиане говорит о том, что, вопреки рассказу Феофана Исповедника, для императора это не аргумент (в написанном в тот же день письме к Пульхерии Флавиан упомянут⁵⁷). В поисках общего языка Лев делает упор на верность учению Кирилла Александрийского. Обращает на себя внимание цитирование ангельского славословия с выражением *bona voluntas*, «благоволение» (совершенно не случайно созвучного имени императрицы Евдокии, так как это, по-видимому, была концепция царствования Феодосия). В послании дважды повторяется имя Нестория, о новой же ереси сказано очень осторожно: <error>, qui nunc repullulat, т.е. папа видит в ней некий рецидив прошлых заблуждений (вероятно, имеется в виду аполлинаризм); при этом Лев даже не говорит прямо о созыве нового собора, а просит возможности убедиться, что новый патриарх Константинопольский Анатолий, бывший апокрисиарий александрийского архиепископа, пребывает в согласии с учением святых отцов (*in eandem confessionem toto corde consentit*), а его, Льва, беспокойство напрасно (*unde superfluis forsitan suspicionibus laboremus*). Собор в Италии предлагается созвать в случае несогласия «некоторых» с чистотой веры. Между тем в упомянутом письме к Пульхерии совершенно определенно говорится о новой ереси, причем Лев просит содействия августы в созыве нового собора (опять-таки, если есть инакомыслящие). Судя по всему, переписка с Пульхерией носит такой же сепаратный характер, что и послание Кирилла Александрийского, некогда вызвавшее возмущение Феодосия.

Вероятно, Феодосий последнего послания папы даже не прочитал, потому что 26 июля с ним произошел несчастный случай на охоте: он упал с лошади, сломал позвоночник и через два дня умер. При его кончине присутствовали полководцы-аланы Аспар и Ардаур⁵⁸. Не совсем понятно, изъявил ли умиравший в мучениях император свою последнюю волю, или решение о браке с Маркианом и наследовании правления Пульхерия приняла по обстоятельствам⁵⁹, или же несчастный случай с императором был не случаен⁶⁰.

Феодосия II похоронили в императорской усыпальнице при базилике Апостолов, но не в центральной части, где покоились Константин и Елена (чего можно было бы ожидать в свете восприятия его как «нового Константина»), а в южном портике, где были погребены его родители, Аркадий и Евдоксия⁶¹. Удивляет и глухое молчание в церковных кругах при вести о смерти Феодосия: ни одного упоминания в переписке того же папы Льва, отсутствие похвальных надгробных слов. 13 сентября Лев направляет новому императору Маркиану, в фиктивный брак с которым

⁵⁶ *ACO* 2. 1. 1. 90.

⁵⁷ *ACO* 2. 4. 29–30.

⁵⁸ *Chronikon Paschale*, а. 450. «К середине июля в Константинополе сформировался новый режим, носящий печать сильного влияния Пульхерии и способный сломить любое сопротивление» (Holum 1982, 207; перевод мой. – Т.А.). Не похоже ли это на описание военного переворота? Интересно, что Ардаур в 440-е годы был уличен в изменнической переписке с персами (*PLRE* II, 136). По свидетельству Приска (fr. 8), Аспар и Ардаур в конце 440-х годов не имели влияния при дворе Феодосия (*PLRE* II, 166).

⁵⁹ В «Пасхальной хронике» говорится, что преемника назначил сам Феодосий, в «Хронографии» Феофана Исповедника (а.м. 5942) и «Краткой хронике» Георгия Монаха – что Пульхерия приняла решение, пока еще никто не знал о смерти императора.

⁶⁰ У Дамаския есть сведения о том, что Феодосия намеревался убить полководец Зенон, но несчастный случай на охоте его опередил (*PLRE* II, 1200).

⁶¹ Reiske, 1829, 1, 646.

вступила девственная Пульхерия, послание с выражением ликования по поводу единства веры⁶² (сразу видно, насколько тон его отличается от писем к Феодосию). 16 ноября того же года Маркиан обращается к папе Льву с предложением созвать новый собор⁶³.

На Халкидонском соборе Маркиана торжественно провозгласят «новым Константином», а Пульхерию – «новой Еленой»⁶⁴ (нетрудно заметить, что они получают титулы, которые в идеологической системе Феодосия были предназначены ему самому и Евдокии). Главные почести за победу над ересью отводятся ей, лишь гендерные ограничения мешают назвать ее «новым Константином». Через два года Пульхерия умрет и будет похоронена в центральной части императорской усыпальницы, рядом с Константином и Еленой⁶⁵. Еще через четыре года здесь же упокоится Маркиан. Однако весьма любопытно, что и отстраненная от престола Евдокия в Палестине будет продолжать все ту же «константиновскую» линию, по-прежнему держась легитимной правительницей⁶⁶ и претендуя на титул «новой Елены».

Почитание Пульхерии сразу же после ее смерти начинает культивироваться на государственном уровне, ибо ее авторитет был гарантирован Халкидонским собором⁶⁷. Император Лев I, придя к власти, составит ее житие и установит изображение⁶⁸. Последующая халкидонитская историческая традиция обнаруживает тенденцию оправдывать все поступки «премудрой Пульхерии» и связывать с ней все важные начинания эпохи Феодосия, по-видимому, добавляя к истории новые эпизоды, свидетельствующие о ее влиянии. Некоторые из них ставят под сомнения даже Холэм, который, к примеру, считает невозможным, чтобы Пульхерия сама ввела во дворец свою будущую соперницу, некрещеную Афинаиду-Евдокию⁶⁹. Другой известный исследователь этой эпохи, К. Манго, оспаривает мнение Холэма о перенесении мощей мч. Стефана в 420–421 гг. и настаивает на том, что единственное исторически достоверное перенесение их в V в. было совершено Евдокией во время ее первого паломничества в Иерусалим⁷⁰. Спорны и предания об исключительном вкладе Пульхерии в развитие культа Богоматери. Основой же для историографического мифотворчества становится именно повествование Созомена, в котором растворяется «человекомудрая» эпоха Феодосия II и перебрасывается мост от объявления «богомудрой» Пульхерии августой в 414 г. до ее полновластного восхождения на престол в 450 г.

В контексте всего сказанного представляется наиболее правдоподобным, что история Созомена в целом была написана в последнее десятилетие жизни Феодосия и выдержана в тоне официальной идеологии, однако дошедшая до нас редакция девятой книги, по-видимому, относится уже ко времени халкидонского триумфа

⁶² ACO 2. 4. 32.

⁶³ ACO 2. 1. 1. 8.

⁶⁴ ACO 2. 1. 2. 155.

⁶⁵ Reiske 1829, 1, 642.

⁶⁶ Папа Лев в послании по-прежнему титулует ее «августой» (ACO 2. 4. 78). См. также Holum 1982, 224.

⁶⁷ Конфессиональные мотивации определяют оценку этой исторической фигуры вплоть до современности. Для западной традиции Пульхерия становится «Жанной д'Арк папства» (Holum 1982, 203).

⁶⁸ Holum 1982, 227.

⁶⁹ Holum 1982, 122–123.

⁷⁰ Mango 2004, 23–34.

Пульхерии⁷¹: вся история правления Феодосия начинает переписываться заново. Фактически та же позиция, что у Созомена, ясно выражена в деяниях Халкидонского собора⁷². При этом очевидно, что новой правительнице, с одной стороны, важно было подчеркнуть тесную связь с братом и полную законность своего преемства, несомненно, вызывавшую много вопросов у современников⁷³, с другой – утвердить право на исправление допущенных Феодосием доктринальных ошибок. Именно эта задача и возлагается на Созомена⁷⁴, и тот для ее решения прибегает к испытанным приемам той же «константиновской идеологии», которой было проникнуто все правление Феодосия II.

Литература / References

- Bardy, G. (ed.) 1952–1958: *Eusèbe de Césarée. Histoire ecclésiastique*. 3 vols (Sources chrétiennes; 31. 41. 55). Paris.
- Bidez, J. Hansen, G.Ch. (eds) 1995: *Sozomenus. Kirchengeschichte*. Berlin.
- Cameron, A. 1982: The empress and the poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II. *Yale Classical Studies* 27, 217–289.
- Chesnut, G. 1986: *The First Christian Histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret, and Evagrius*. Second edition. Macon.
- de Boor, C. (ed.) 1885: *Theophanis chronographia*. Lipsiae.
- Driver, G.R., Hodgson, L. (eds) 1925: *Nestorius. The Bazaar of Heracleides*. Oxford.
- Grierson, Ph., Mays, M. 1992: *Catalogue of the Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection, from Arcadius to the Ascension of Anastasius*. Washington.
- Hansen, G.Ch. (ed.) 1995: *Socrates Scholasticus. Kirchengeschichte*. Berlin.
- Heikel, I.A. (ed.) 1902: Eusebius. De laudibus Constantini. In: *Eusebius Werke*, 1 (Die griechischen christlichen Schriftsteller; 7). Leipzig.
- Holum, K.G. 1982: *Theodosian Emperresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Los Angeles.
- Jaeger, W. 2001: *Paideia. Vospitanie antichnogo greka [Paideia. The ideals of greek culture]*. Т. [Vol.] 2. Moscow.
- Йерег В. *Пайдейя. Воспитание античного грека*. Т. 2. М.
- Kalinin, A., Serpova V. (red.) 1998: *Evsevij Pamfil. Zhizn' Konstantina [Eusebius Pamphili. Life of Constantin]*. Moscow.
- Калинин, А., Серпова В. (ред.). *Евсевий Памфил. Жизнь Константина*. М.
- Kelly, C. (ed.) 2013. *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.

⁷¹ У. Тредголд осторожно допускает, что Созомен мог пережить Феодосия и переделывать свой труд в угоду его преемникам, но едва ли заслужил одобрение (Treadgold 2010, 149).

⁷² Многие обвинения против александрийского архиепископа Диоскора косвенно могут быть переадресованы Феодосию II, чьи послания II Эфесскому собору зачитываются на Халкидонском соборе (АСО 2. 1. 1. 67–87). Этим предопределена критическая оценка императора у последующих халкидонитских историков.

⁷³ По законам того времени вступление в брак посвященной девственницы или диакониссы считалось уголовным преступлением, что зафиксировано в «Кодексе Феодосия» (CTh 9. 25. 2). Правда, возможно, что формально Пульхерия посвящения не принимала и именно потому противилась посвящению в диакониссы. Антихалкидонит Иоанн Никиусский говорит, что Феодосий «охранял ее девственность вопреки ее желанию, опасаясь, как бы какой-нибудь чужак не проник к ней и не овладел затем императорским трон» (Иоанн Никиусский, *chron.* 87. 34 – цит. по: Krivushin 2010, 543). Ср. у Иоанна Руфа (Plerophoriae, 3) рассказ об авве Пелагии, сокрушавшемся о «падении» и отступничестве Пульхерии.

⁷⁴ Справедливым представляется замечание У. Тредголда, что Созомен был «карьеристом» (Treadgold 2010, 149).

- Krivushin, I.V. 1998: Sozomen kak reinterpretator Sokrata. [Reinterpretation of Socrates made by Sozomen] *Antichnaja drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages] 29. Ekaterinburg, 79–94.
Кривушин, И.В. Созомен как реинтерпретатор Сократа. *Античная древность и средние века*. Екатеринбург. Вып. 29, 79–94.
- Krivushin, I.V. (red.) 2010: *Evagrij Sholastik. Cerkovnaja istorija* [Evagrius Scholasticus. Ecclesiastical history] (per. I.V. Krivushina [translation by I.V. Krivushin]). Saint Petersburg.
Кривушин, И.В. (ред.). *Евагрий Схоластик. Церковная история* (пер. И.В. Кривушина). СПб.
- Mango, C. 2004: A fake inscription of the empress Eudocia and Pulcheria's relic of Saint Stephen. *Nea Rhome*, 1, 23–34.
- Millar, F. 2006: *Greek Roman Empire. Power and belief under Theodosius II (408–450)*. Berkley–Los Angeles–London.
- Moreschini, C., Norelli, E. 2005: *Early Christian Greek and Latin Literature*. Vol. 2. Peabody.
- Popov, I.N. 2009: Metamorfozy istoricheskoy pamjati: Feodosij Mladshij v vosprijatii vizantijskih istorikov i hronistov V–XII vv. [Metamorphosis of historical memory. Theodosius the Younger in the perception of historians and chronicler]. *Vizantijskij vremennik* [Byzantine Multimedia] 68 (93), 164–173.
Попов, И.Н. Метаморфозы исторической памяти: Феодосий Младший в восприятии византийских историков и хронистов V–XII вв. *Византийский временник* 68 (93), 164–173.
- Reiske, J.J. (ed.) 1829: *Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae Byzantinae*. Vol. 1. Bonn.
- Stewart, M. 2013: *The Soldier's Life: Martial Virtues and Hegemonic Masculinity in the Early Byzantine Empire*. Queensland.
- Treadgold, W. 2010: *The early Byzantine historians*. London–New York.
- Urbainczyk, T. 1997: *Socrates of Constantinople. Historian of Church and State*. Ann Arbor.
- Winkermann, F. (ed.) 1975: Eusebius. Vita Constantini. In: *Eusebius. Werke*. Band 1.1. Berlin.